

Международные отношения в динамике макроистории

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-135-146>

*Интервью с Георгием Матвеевичем Дерлугьяном,
профессором, автором многочисленных работ
по истории и социологии.*

АННОТАЦИЯ

Георгий Матвеевич Дерлугьян – профессор социологии Нью-Йоркского университета в Абу-Даби. Родился в 1961 г. в Краснодаре. Выпускник Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова. В 1980-х гг. работал несколько лет в Мозамбике. В 1990 г. приглашен в Бингемтонский университет (США) на работу в Центре им. Ф. Броделя по изучению экономик, исторических систем и цивилизаций. Лауреат призов Американской социологической ассоциации за лучшую работу года, премий Д. Карнеги и Н. Элиаса. Автор работ по социальной эволюции власти от первобытности до наших дней, причинах распада СССР, партизанских войнах в Африке и этнических конфликтах на Кавказе. Переводился на многие языки, включая китайский, немецкий, арабский, турецкий, финский, польский и грузинский.

*Беседу вел С.М. Маркедонов,
главный редактор журнала «Международная аналитика»*

Сергей Маркедонов: В коллективном предисловии к сборнику «Есть ли будущее у капитализма?»¹ Вы констатировали: «Ближайшие десятилетия принесут с собой неожиданные катаклизмы и колоссальные проблемы. Некоторые из них будут новыми, а некоторые – довольно старыми. Многие из них поставят перед нами неслыханные политические дилеммы и потребуют принятия трудных политических решений. Все это может начаться уже скоро и наверняка определит взрослую жизнь тех поколений, которые сегодня молоды»².

Оглядываясь на нынешние события, можем мы утверждать, что этот «дивный новый мир», если использовать метафору О. Хаксли, наступил? И если да, то какие «катаклизмы и колоссальные проблемы» мы можем считать новыми, а какие – старыми? Одним из важнейших событий 2020 г. стала пандемия коронавирусной инфекции. Можем ли мы говорить, что ее последствия в наступающем десятилетии радикально изменят современный мир?

Георгий Дерлугьян: Начнем с пандемии. Это, конечно, угроза старая, как мир. Точнее, как мир со времен Неолитической революции, когда люди стали жить в скученных деревнях рядом с домашними животными, от которых и заражались различными заболеваниями³. Данные процессы детально описаны в исследовании историка-аграрника Дж. Скотта «Против зерна: глубинная история древнейших государств»⁴. Воздействию микроорганизмов на общественные процессы посвящена книга Дж. Даймонда «Ружья, микробы и сталь»⁵, ярким оппонентом которого стал российский биолог К. Еськов⁶.

Не следует переоценивать степень новизны пандемии 2020 г. В определенном смысле это наше двойное везение. Чего-то сравнимого с COVID-19 не было

Черт оказался на сей раз не так страшен: этот вирус несравним ни с Эболой, ни с вирусом Зика, ни с нильской лихорадкой.

100 лет. Об «испанке» (испанском гриппе) начала XX в., как и о тифе, оспе, полиомиелите, вспоминают, как правило, специалисты. Черт оказался на сей раз не так страшен: этот вирус несравним ни с Эболой, ни с вирусом Зика, ни с нильской лихорадкой. Тем не менее это мощный сигнал тревоги – нас атаковали вирусы, от которых пока нет защиты. Повезло, что население устраивает праздники непослушания по поводу ношения масок, а не «холерные бунты», массовые паники или сожжения ведьм⁷. Но ответственным политикам и экспертам сле-

дует крепко задуматься. Пандемия – это не просто кризис, это аналог войны, и реагировать придется соответственно.

1 Есть ли будущее у капитализма? Сборник статей И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна / Под ред. Г. Дерлугьяна. – М.: Издательство Института Гайдара, 2015. – 320 с.

2 Есть ли будущее у капитализма? С. 7

3 См., например: Kelly, John. *The Great Mortality: An Intimate History of the Black Death, the Most Devastating Plague of All Time*. New York: Harper Perennial, 2006.

4 Scott, James. *A Deep History of the Earliest States*. London: Yale University Press, 2017

5 Diamond, Jared. *Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies*. London: W. W. Norton & Company, 2017.

6 Еськов, К.Ю. Карандашные пометки биолога на полях книги Дж. Даймонда «Ружья, микробы и сталь. Судьбы человеческого общества» // Элементы. 8 мая 2010. [Электронный ресурс]. URL: https://elementy.ru/bookclub/review/5273122/Karandashnye_pometki_biologa_na_polyakh_knigi_Dzhareda_Daymonda_Ruzhya_mikroby_i_stal_Sudby_chelovecheskikh_obschestv (дата обращения 19.06.2020).

7 McNeill, William H. *Plagues and Peoples*. New York: Anchor Books Doubleday, 1998. Перевод Работы У. Макнилла «Эпидемии и народы» готовится к выходу Издательстве Университета Дмитрия Пожарского.

Что касается новых вызовов, можно упомянуть глобальное изменение климата. Его обычно упрощенно сводят к потеплению, что для России представляется, на первый взгляд, как удача. Однако археологи сегодня показывают: переход к сельскому хозяйству произошел не потому, что наши предки, наконец, додумались выращивать еду на полях и в свинарниках/коровниках. Первобытные люди имели достаточно времени, чтобы изучить потребности и повадки полезных растений и животных. Переход к аграрному обществу происходил вынужденно под угрозой массового голода и вымирания нашего вида, когда население увеличилось и расселялось по всем климатическим зонам планеты, а навыки охоты привели к резкому уменьшению популяций тех, кто был ее объектом. Но пока климат «скакал» от оледенений к потеплениям, от засух к наводнениям, какое могло быть аграрное производство? Когда же примерно 9 тыс. лет назад климат планеты стабилизировался на какое-то время, вдруг разом повсюду (кроме Австралии и приполярной зоны) возникают очаги древнего земледелия и скотоводства. Так человечество встало на эволюционный путь от неолита до великих цивилизаций в долинах рек и капиталистической глобальной современности.

Сегодня климат начинает меняться в пока неясном направлении. Я не участвую в спорах о том, насколько в том повинно человечество. И без моего участия в таких дискуссиях нет недостатка. Климат всегда менялся в геологическом прошлом – просто вся наша письменная история цивилизации приходится на затишье длиною в несколько тысячелетий. Если мы теперь возвращаемся к климатическим колебаниям, которые некогда были нормой, то что будет с агрокомплексами? Если под воду уйдут какие-то перенаселенные страны, как Бангладеш, а другие, вроде Йемена, пересохнут, и пойдут по миру потоки беженцев – встретят ли их лагеря помощи от ООН или колючая проволока и танки? А ведь это не только «третий мир».

Сейчас вполне ясно – великий Рим был оставлен своим некогда миллионным населением не из-за грабежей варваров, а потому что остановился подвоз хлеба, и римляне стали разбредаться по сельской местности в поисках земли под огороды. С исчезновением давно уже не оплачиваемых легионов и пошли настоящие варварские грабежи и мародерство, известные нам как Средневековье.

Человечество в последние три столетия испытало колоссальный рост по всем направлениям. Эпоха Модерна стала революцией, скачком внутри постепенной социальной эволюции. С чего мы взяли, что скачкообразный рост продлится еще несколько столетий? Древний Рим и Китай династии Хань некогда достигли высот, «падать» с которых было крайне больно. Многие показатели Античности были превзойдены только с появлением государства Модерна через полторы тысячи лет¹. И это не прогнозы радикальных алармистов, а довольно актуальное направление науки².

С.М.: В 1987 г. британский историк П. Кеннеди опубликовал книгу «Подъем и падение великих держав», в которой он описал применительно к СССР и США

1 Morris, Ian. *Why the West Rules – for Now: The Patterns of History, and What They Reveal About the Future*. London: Picador, 2011.

2 Шайдель, В. Великий уравнитель: насилие и история неравенства от каменного века до XXI столетия / В. Шайдель. – М.: Издательство АСТ, 2020. – 768 с.

такой механизм, как «перенапряжение империй»¹. Наблюдая протесты в США на расовой и социальной почве, велик соблазн сделать вывод о закате мировой гегемонии этой страны после завершения холодной войны. Тем более что все эти

Наблюдая протесты в США на расовой и социальной почве, велик соблазн сделать вывод о закате мировой гегемонии этой страны после завершения холодной войны.

внутриполитические события происходят на фоне нарастающей американско-китайской конфронтации, обострения проблем в отношениях между Вашингтоном и его союзниками (страны – члены ЕС, Турция), непрекращающимися противоречиями с Москвой.

Но ведь с такой турбулентностью США сталкиваются не впервые. Не менее масштабные выступления на расовой и социальной почве мы уже наблюдали и не единожды (события в Ньюарке, Детройте в 1967 протесты после убийства М.Л. Кинга 4 апреля 1968)? В последние десятилетия Вашингтон принял немало неоднозначных внешнеполитических решений, начиная от военных операций в Афганистане и Ираке и заканчивая позицией по Сирии или Венесуэле. И в 1960–1970-х гг., казалось, что американское лидерство под угрозой: проигранная война во Вьетнаме, неудачи в Иране, «разрядка», которую многие восприняли как проявление слабости. Затем появился Р. Рейган, и череда поражений сменилась победами.

На Ваш взгляд, в чем особенность нынешнего кризиса в США? США в новом десятилетии входят в фазу нового острого кризиса или американская империя «перегрелась» настолько, что пора констатировать необратимый крах гегемона? А может быть, метафора из популярной песни «не спешите нас хоронить» более чем уместна сегодня в наших дискуссиях о перспективах США?

Г.Д.: Начнем с важного уточнения. П. Кеннеди писал не столько фундаментальное исследование, сколько книгу-предупреждение. Однако предсказания о «перенапряжении» США и СССР оказалось не вполне точным: через четыре года после издания работы распался лишь один полюс. П. Кеннеди не претендовал на открытие новой теории. «Перенапряжение» – это феномен, описанный в исторической теории геополитики классика социологии М. Вебера². Речь, конечно, не о геополитике, ставшей главной темой на различных ток-шоу, а о научной дисциплине, где просчитываются и моделируются катастрофы прошлого, с которыми сталкивались империи.

В 1980 г. американский социолог Р. Коллинз в своем эссе «Геополитическая основа революции: предсказание советского коллапса» применил веберовскую модель к анализу состояния США после поражения во Вьетнаме и пришел к неожиданным выводам. Вопреки распространенным в те времена алармистским прогнозам, США с гигантскими резервами и богатыми странами-сателлитами тогда ничего не угрожало. Зато угрожало СССР как экономически менее богатой сверхдержаве, в ходе холодной войны приобретшей непомерные издержки

1 Kennedy, Paul. *The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*, New York: Vintage Books, 1987.

2 См., например: Turner, Stephen. "Weber's Foray into Geopolitics." In *The Anthem Companion to Max Weber*, edited by Alan Sica, 146-173. London: Anthem Press, 2016.

на поддержание своего мирового статуса; не последнюю роль в этом сыграла официальная идеология и властная иерархия, унаследованные от В.И. Ленина и И.В. Сталина¹. Этот прогноз прозвучал, когда США еще не отошли после поражения во Вьетнаме, на фоне кризиса вокруг захвата в заложники персонала американского посольства в Иране. В те дни губернатор Калифорнии Р. Рейган добивался избрания президентом, утверждая, что США критически отстали от СССР в области ядерных вооружений, и требовал жестко сдерживать распространение коммунистической угрозы по всему миру. Тем не менее Р. Коллинз указал на парадокс советской мощи: именно в момент достижения своего пика сверхдержава столкнулась с непосильными геополитическими издержками. Он также верно спрогнозировал государственный коллапс в результате внезапного массового отступничества подчиненных элит национальных республик и государств-сателлитов в качестве защитной реакции на политическую недееспособность имперского центра. Но модель Р. Коллинза не могла предсказать ни скорости развития событий, ни выбора действий Москвы в рамках стоящих перед ней дилемм. Все эти коллизии описаны во главе вашего покорного слуги в книге «Есть ли будущее у капитализма?»².

Напротив, сегодня в потенциально более выгодном положении находится Россия, хотя и катастрофически утратившая большую часть сверхдержавных издержек. Многие ее проблемы остаются идентичными трудностям стран Европы, что как раз указывает, к какой группе стран относится Россия. К примеру, демография стареющего населения, что объективно вызывает приток мигрантов, ожидаемо сталкивающихся с ксенофобским отношением.

Запад же в целом имеет дело с последствиями так и не получившими разрешения кризиса 1970-х гг. Уход капитала из национальной промышленности в международные финансовые спекуляции и офшорные укрытия значительно сократил возможности государственного регулирования. Это аукнулось кризисом 2008 г., который также не был преодолен качественной перестройкой рыночных структур³. Тот кризис «залили» потоками долларов, который остается мировой резервной валютой и, судя по истории мировых держав-гегемонов, сохранит это особое преимущество. Вспомните испанский колониальный песо, который надолго пережил падение гегемонии Габсбургов и их генуэзских финансистов (напомню, откуда родом Колумб)⁴. Песо сохранился до XIX века, когда уже назывался мексиканским серебряным долларом. Именно в долларовые активы в момент кризиса сегодня бегут капиталы, пусть даже с некоторой потерей – лишь бы выжить. И один из столпов американской валюты составляют как раз нефтедоллары.

США сопротивлялись своему упадку отчаянно и дерзко, чем усугубили имеющиеся проблемы. В 2003 г. американское вторжение в Ирак ставило воистину глобальные задачи. Вице-президент Р. Чейни со своей командой неоконсерваторов (где президент Дж.У. Буш из-за слабости личных качеств был лишь номиналь-

1 Collins, Randall. *Macrohistory: Essays in sociology of the long run*. Redwood: Stanford university press, 1999.

2 Дерлугьян, Г. Чем коммунизм был / Г. Дерлугьян / Есть ли будущее у капитализма? Сборник статей И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна. – М.: Издательство Института Гайдара, 2015. – 320 с.

3 Туз, А. Крах. Как десятилетие финансовых кризисов изменило мир / Пер. с англ. Н. Эдельмана. Под ред. А. Белых. – М.: Издательство Института Гайдара, 2019. – 776 с.

4 Арриги, Д. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени / Д. Арриги. – М.: Территория будущего, 2007. – 730 с.

но главной фигурой) «нащупали» грандиозную комбинацию, казалось бы, способную переустановить гегемонию Америки на столетие вперед. Дерзкий план Р. Чейни в случае успеха превращал США де-факто в члена ОПЕК с решающим

В 2003 г. американское вторжение в Ирак ставило воистину глобальные задачи. Вице-президент Р. Чейни со своей командой неоконсерваторов «нащупали» грандиозную комбинацию, казалось бы, способную переустановить гегемонию Америки на столетие вперед.

голосом. Это раз. Кольцом военных баз со всех сторон окружался эксцентричный Иран, но также – взгляните на карту – Россия и Китай. Вот вам и два, и три, и четыре. А там уже пять, шесть, и далее открывалась перспектива решения проблем Израиля как особого союзника; становилась достижима стабилизация под внешним управлением извечно шатких Пакистана и Саудовской монархии, которые скорее от своей слабости и внутренней неуверенности, нежели из религиозного рвения попеременно выступают поджигателями и тушителями фундаменталистского джихада; также обеспечивалось бесперебойное судоходство в Красном море, включая Суэцкий канал; находилась замена периодически фрондирующей Турции. Параллельно решалась проблема сомалийских пиратов и курдских сепаратистов: в Ираке было за что бороться помимо нефти.

Тем более поразителен провал американского плана. В реальности, в отличие от фантазий и теорий заговора, планы мирового господства неизменно терпят провал. В эпоху Модерна такого рода эксперименты ставили испанский император Филипп II Габсбург, затем Наполеон Бонапарт, кайзер Вильгельм II, А. Гитлер, отчасти В.И. Ленин и И.В. Сталин. Все они колоссальной ценой выяснили невозможность единого контроля над слишком сложной и обширной миросистемой, в которой обычно находятся несколько центров силы. Американский план 2000-х гг. исходил, однако, из уникального стечения обстоятельств: Россия лежит навзничь, Европа и Япония послушно вернулись на положение ведомого, Китай пока не окреп.

Замыслы Р. Чейни неожиданно споткнулись о совершенно новый фактор, который относится к глубинной трансформации современности. Речь, прежде всего, о возросшей стоимости человеческой жизни. По мере того как в эпоху Модерна отступали нищета и болезни, падала рождаемость и росло образование, вдруг начали реализовываться будто сами собой извечные мечты гуманистов об уважении к человеку. Чудесное выражение «само собой» на самом деле является исторической закономерностью, означающей тектонические, медленные и незаметные невооруженным глазом структурные изменения в обществе. В распоряжении американских военных – масса беспрецедентно дорогих вооружений. Однако цена жизни американского солдата оказалась непозволительно высока – а одними

По мере того как в эпоху Модерна отступали нищета и болезни, падала рождаемость и росло образование, вдруг начали реализовываться будто сами собой извечные мечты гуманистов об уважении к человеку.

дронами и высокоточными ракетами не навести порядка на пыльных улицах громадных ближневосточных городов. Кстати, та же неприемлемость человеческих потерь сделала столь неожиданной для всех экономическую цену пандемии коронавируса. Последствия будем просчитывать еще долго.

С.М.: В своей книге «Как устроен этот мир» Вы написали о «пробуждении Азии»¹. По Вашим словам, «Китай оказался самым непредвиденным последствием политики глобализации»². В новом десятилетии какую роль в мире будет играть эта держава? Есть ли шанс у КНР стать новым гегемоном и, если да, где опасность «перегрева»?

Г.Д.: Я не склонен приписывать Китаю особую восточную мудрость или, если хотите, хитрость. Мао Цзэдун, как почти все коммунисты стран Азии, был, в первую очередь, националистом. Для них марксизм-ленинизм означал не столько равенство и братство всех людей мира, сколько ликвидацию военно-революционным путем отсталости своих великих цивилизаций от Запада и Японии. Мао попытался повторить военно-индустриальную стратегию И.В. Сталина и сам стать новым И.В. Сталиным мирового революционного движения. Однако реализовать амбициозные цели не удалось: Тайвань и Южная Корея остались в американо-японской сфере. В Кампучии эксперименты Пол Пота над собственным населением продлились три года. Экзотические маоистские группировки в «третьем мире» и в среде левой интеллигенции стран Запада оказались эфемерны. В самом Китае разгром системы государственного управления и подрыв науки в годы «культурной революции», скорее, создали, чем разрешили проблемы. Не получилось превращения КНР в индустриального гиганта.

Поэтому дальше оставался только НЭП – классическая «двухходовка» коммунистических режимов, изобретенная еще В.И. Лениным, который как раз очень умело переключал скорости своей революционной машины. Жесткое подавление восставших слева – в кронштадтском мятеже или на площади Тяньаньмэнь – и следом рыночные реформы, позволяющие крестьянам прокормить себя и страну. В отличие от советского НЭПа, когда никто с Запада не спешил разбирать концессии, в Китай хлынули потоки западного капитала, который начиная с 1970-х гг. искал путей обойти свои профсоюзы и всевозможные социальные и экологические регуляции.

Китай с 1980-х гг. реализует то, к чему шел СССР в свои последние годы. Политика мирного сосуществования, разрядка напряженности, взаимовыгодного экономического сотрудничества с Западной Европой и Японией – я намеренно употребляю клише тех лет – на деле вели к возвращению СССР в капитализм и, более конкретно, к реинтеграции в Европу на почетных условиях. В реальной истории вместо СССР, успешно перестроенного под евростандарты, капиталистическим гигантом вдруг стало совсем другое коммунистическое государство – недавно еще голодавший маоистский Китай. Притом Китай в своих реформах изначально, с 1970-х гг., ориентировался на США и их тихоокеанских союзников.

1 Дерлугьян, Г. Как устроен этот мир. наброски на макросоциологические темы / Г. Дерлугьян. – М.: Институт Гайдара, 2013. – 176 с.

2 Там же. С. 18

С ростом Китая, однако, возникал парадокс, который США уже проходили в 1970-х гг. с ФРГ и Японией – бывший ведомый догонял ведущего и превращался во все более серьезного конкурента. Вспомните, что тогда происходило с некогда величественным американским автопромом, как «тойоты» и «фольксвагены» начали теснить «бьюики», «крайслеры» и «форды» на рынке уже самих США. Но если Европа и Япония с 1945 г. оставались политически зависимы от США, то Китай все-таки остается под контролем своей своеобразной компартии и при этом проявляет имперское самолюбие. Главная внешнеполитическая проблема США сейчас уже состоит не в сохранении опеки над Европой, не в противостоянии СССР (России) и не в том, как остановить технологический рост Японии, а как остановить возвышение Китая, без которого невозможно представить современный глобальный мир. Надавить силой? Или, напротив, пойти на уступки?

Тем не менее Китай не выглядит новым мировым гегемоном. Это далеко не лидер в мировой науке и культуре, без чего проблематично задавать тон на глобальном уровне. Более того, он пока не лидер даже в потреблении. Ирония в том, что коммунистический режим в Китае не позволяет мобилизации профсоюзных объединений, студенческих забастовок, которые в свое время сотрясали Японию и Южную Корею. Некогда бурные протесты привели к повышению уровней жизни, образования и потребления, вместе с которыми вскоре пришла и парламентаризация политики. Пока я не вижу тех процессов, которые на аналогичном уровне развития запустили трансформацию Японии и Южной Кореи в страны среднего класса и высокотехнологичного производства. Мир в ближайшем будущем едва ли будет иметь страну-гегемона.

Системные проблемы требуют системного решения. Как та же самая пандемия. В лучшем случае мы наблюдаем возвращение к мировой экономике нескольких макрорегионов. В последний раз такое наблюдалось около 700 лет назад, когда наряду с Западной Европой существовали превосходившие ее размерами исламский мир, Индия, Китай¹.

С.М.: Сегодня о «закате Европы», наверное, пишут намного чаще, чем во времена О. Шпенглера? Этот закат, на Ваш взгляд, состоялся? Или у Европы есть перспективы для роста? Рассматриваете ли Вы возможным разрыв отношений между ЕС и США и есть ли у Запада ресурсы для улучшения отношений с Россией если не в краткосрочной, то в среднесрочной перспективе?

Г.Д.: Евросоюз, если оставить в стороне публичную риторику, создавался в компенсацию исторических потерь бывших империй. Его создатели стремились избежать превращения своих стран в карликовые образования, как это некогда случилось с торговыми городами-государствами северной Италии. Унаследовав от эпохи Возрождения свои архитектурные красоты и признанное первенство в изысканном вкусе, в музыкально-художественном и дизайнерском чувстве стиля, прежде мощнейшие городские республики – Венеция, Флоренция, Генуя – превратились в туристические центры. Уже во второй половине XX века подобная судьба настигла помпезно имперские Вену и Будапешт.

1 Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Том 3. Время мира / Ф. Бродель / пер. с фр. Л.Е. Куббеля. Под ред. Ю.Н. Афанасьева. – М.: Прогресс, 1992. – 732 с.

Из осознания этой перспективы исходили политики последнего великого поколения европейцев: В. Брандт и Г. Коль, Ш. де Голль и Ф. Миттеран, Б. Крайски и У. Пальме, испанский король Хуан-Карлос и социалистический премьер А. Суарес. Было понятно, что масштабность и устойчивость вынашиваемой ими конструкции придала бы политико-экономическая ось Париж – Берлин – Москва. Вместо этого ЕС после 1991 г. занялся интеграцией малых и небогатых стран на востоке Европы. Без всяких теорий заговора ясно, что ограничение восточных пределов Европы Болгарией и Румынией снимало внутренние опасения Вашингтона и Лондона оказаться перед лицом сильного союзника-конкурента, который бы самостоятельно организовывал гигантское и богатое ресурсами пространство от Ла-Манша до Владивостока. Парадоксально, но ЕС после России – второй крупнейший пострадавший в провале советской «перестройки».

С.М.: Многие годы Вы исследовали политические процессы в Африке. В новом мире с «неожиданными катаклизмами и колоссальными проблемами» какую роль Вы отводите «черному континенту»? Какие сюрпризы возможны из этой части мира?

Г.Д.: Африка – удивительный континент. Там зародилось человечество, но там не могли возникнуть сильные государства – кроме, конечно, Древнего Египта и отчасти Эфиопии. Эти исключения подтверждают общее правило. Ландшафт, климат, биота в совокупности слишком суровы для поддержания крупных человеческих популяций, для которых также требуется развитое земледелие и животноводство. Об этом хорошо написано у того же Дж. Даймонда¹. Он объясняет, почему было можно одомашнить азиатских лошадей, овец и коров, но нельзя оседлать зебру и разводить антилоп в загонах. Тот же африканский слон, в отличие от индийского, не поддается дрессировке. Кстати, освоение Африки самими чернокожими африканцами относится уже к эпохе Модерна, когда португальцы завезли из Америки маниок и кукурузу, чья урожайность в разы превосходила традиционное местное просо.

В Африке земли всегда было куда больше, чем людей. Поэтому перед вождями стояла задача не сбора дани с оседлых земледельцев, а предотвращения бегства тех же земледельцев, едва к ним явятся сборщики податей. На «черном континенте» саванны обширны, а леса густы. Поэтому, увы, главным был не капитал, а труд – в основном рабский, в самой грубой принудительной форме, буквально из-под палки.

Европейские колонизаторы были представителями Модерна и капитализма, в Африку они явились за наживой, которую там оказалось нелегко извлекать. Оставалось по вполне рациональному расчету силой заставить местное насе-

Без всяких теорий заговора ясно, что ограничение восточных пределов Европы Болгарией и Румынией снимало внутренние опасения Вашингтона и Лондона оказаться перед лицом сильного союзника-конкурента.

¹ Diamond, Jared. *Collapse: How Societies Choose to Fail or Succeed*. London: Penguin Books Ltd., 2005.

ление работать на плантациях, рудниках, постройке дорог и портов. При этом европейские колониальные правительства жестко сэкономили на бюджете. Европейские чиновники и полицейские обходились непомерно дорого, и смертность от различных заболеваний была среди них высока. Поэтому требовалось найти из африканцев сельских старост или каких-то вождей (но не слишком сильных политически) и поручить им поставки рабочей силы на плантации и стройки. Как была устроена такая сугубо местная и якобы «традиционная» власть можно понять из красочных описаний британского зоолога Дж. Даррелла, ловившего зверей для зоопарков в колониальном Камеруне¹. Или попробуйте почитать Д.А. Быстролетова, удивительного советского разведчика и искателя приключений². Наконец, очень рекомендую, возможно, неожиданного автора – Б. Обаму, который задолго до избрания президентом США, еще в 1995 г., исследовал судьбу своего кенийского отца и деда³.

Б. Обама на примере отца выпукло отобразил политическую трагедию Африки после ухода колонизаторов. Первый в Кении выпускник Гарварда, экономист, Б. Обама-старший рассчитывал на родине занять видный пост. Но ему доходчиво объяснили, что президент и все, кому он доверяет, происходят из народности кикуйю. Если же ты из луо, то потрудись доказать свою особую лояльность. Когда же он заявил, что лучше поступить на работу в ООН, у него просто отобрали паспорт. Иначе говоря, европейцы по своим довольно случайным обстоятельствам времен раздела Африки нарезали десятки стран, оставив центральное управление себе, а местное – вождям, нередко диктаторам локального пошиба. С предоставлением независимости развернулись конфликты за центральную власть, в которую тут же вмешались военные, зачастую еще более склонные к авторитаризму сержанты колониальных войск, вроде С. Мобуту в Конго (Заире) и И. Амина в Уганде.

Были и важные исключения. Там, где к власти через настоящую войну приходили партизаны с той или иной долей социалистических идей – в Эфиопии, Мозамбике, Руанде, – возникали и более эффективные режимы. Увы, природные богатства чреватые ресурсным проклятием в виде гражданских войн и клептократий, подобно Нигерии и Анголе. В Зимбабве белых фермеров довольно долго не трогали ради выручки от экспорта, но в конечном счете принесли в жертву озлоблению бывших партизан и популизму стареющего президента Мугабе и его коррумпированного окружения.

С.М.: И последний вопрос о российской траектории развития в новом десятилетии. Способна ли Россия проводить собственную линию, балансируя между США и Китаем, Западом и Востоком, не примыкая ни к одному из полюсов? Какие возможности есть у Москвы, чтобы удивить мир? И, естественно, было бы интересно узнать Ваше мнение о российской «ахиллесовой пяте», которая создает препоны для ее лидерства на международной арене.

Г.Д.: Это вопрос не на одну монографию. Россия с самого начала Модерна, то есть с XVI века, была успешной державой периферии. В этом контексте это

1 Durrell, Gerald. *The Bafut Beagles*. Cornwall: House of Stratus, 2003.

2 Быстролетов, Д.А. В старой Африке / Д.А. Быстролетов. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 304 с.

3 Obama, Barack. *Dreams from My Father*. NY: Three Rivers Press, 1995.

сугубо техническое определение. В период становления России повезло, что в руках у ее стрельцов и казаков уже появились ружья, а у кочевой конницы противника – нет. Поэтому быстро, примерно за столетие, прошли маршрутами былых набегов степняков, только в противоположном направлении, до границ Китая и Тихого океана. Получилось государство с громадной территорией и ресурсами, притом довольно укрытое своим ландшафтом от соперников с аналогичными аркебузами: турок на юге и всевозможных «немцев» на западе.

Однако Запад быстро развернул беспрецедентную в истории гонку вооружений, государственных организаций и индустриальных потенциалов, в сумме именуемую перманентной модернизацией. Пришлось догонять, заимствовать и учиться. Модернизация – это не столько культурные ценности, сколько геополитический императив: у вас будут в достаточном количестве стальные стволы, производящая их индустрия и университеты, где учатся кадры; или к вам без спросу придут те, у кого все это есть¹. Наглядный пример – Корея и Япония, которые по состоянию на 1850 г. выглядели похоже, а уже в 1910 г. японцы целиком хозяйничали в Корее.

Россия совершила три модернизационных рывка, и здесь все очевидно: при Иване Грозном, Петре Великом и И.В. Сталине. Все три рывка оплачены не только жестоким закрепощением крестьян, наших с вами предков, но и репрессиями в отношении прежних элит, чтобы создать на их месте новых, более соответствующих эпохе. Так казнили бояр, столетие спустя – стрельцов, а затем уже дворян и первое поколение большевиков. Эта традиция закончилась в 1950-е гг., когда была окончательно опустошена деревня, а элиты усвоили, чем им самим грозит всякий террор. Но как же тогда с циклами догоняющего развития? С этой дилеммой мы и живем со времен хрущевской оттепели.

Очевидный, казалось бы, выход – встраиваться «на равных» в Европу, после 1945 г. превратившуюся в клуб бывших метрополий распавшихся империй. Мы раз за разом приближались и в конце 1980-х гг. уже почти оказались у цели. Но советский гигант разогнался на скрипучих ногах, прыгнул – и разбился вдребезги. Помимо субъективных ошибок и неудачных обстоятельств М.С. Горбачева (как с теми же ценами на нефть) были громадные проблемы в самой структуре управления СССР, создававшимся в совсем другую эпоху и с иными задачами. Требуется показать, как вообще был возможен исторический маневр с «перестройкой» СССР, включая все 15 республик и гигантские министерства. Китаю 1980-х гг. способствовал, как ни странно, как раз примитивизм госаппарата и экономики.

Что дальше? В эволюции в принципе есть только три исхода: вымирание, атрофия и интенсификация развития с выходом на другой виток. При этом в

Модернизация – это не столько культурные ценности, сколько геополитический императив: у вас будут в достаточном количестве стальные стволы, производящая их индустрия и университеты, где учатся кадры; или к вам без спросу придут те, у кого все это есть.

1 Kotkin, Stephen. *Stalin. Paradoxes of Power, 1878-1928*. New York: Penguin Books Ltd., 2014. P. 140.

мировой системе в силу ее инерционности сохраняется общий контекст, следовательно, воспроизводятся аналогичные возможности и проблемы. Здесь не стоит впадать в сетования, что все течет, а ничего не меняется. На самом деле изменяется хотя бы осознание проблем и возможностей.

Цитирование

Дерлугьян, Г.М. Международные отношения в динамике макроистории // Международная аналитика. – 2020. – Том 11 (2). – С. 135–146.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-135-146>

For citation

Derluguian, Georgy M. "International Relations through the Dynamics of Macrohistory."
Journal of International Analytics 11, no 2. (2020): 135–146.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-135-146>